

Белая тень сверкнула в небесах и приземлилась на вершине небольшого холма в нескольких десятках ли от Лисьего холма. Когда белое сияние рассеялось, показался силуэт Кицунэ, девятихвостой лисицы.

Она осторожно положила тело Зевула на землю, затем внимательно его осмотрела, чтобы убедиться, что он не получил никаких серьезных ран. Только после этого она облегченно вздохнула и медленно поднялась.

Во многих местах на ее белоснежной одежде были видны следы сажи, кое-где ткань пожелтела от жара и даже почернела, а там, где ее коснулось пламя, были выжжены небольшие дыры, сквозь которые виднелась белоснежная кожа.

Но только Кицунэ совсем не заботилась об этом, успокоившись немного, она развернулась и посмотрела туда, откуда они прилетели.

В небесах вдали огромный столб пламени оставил в небе след, который было нелегко сгладить. Даже на таком большом расстоянии Кицунэ все еще могла ощутить запах гари, приносимый с ветром. А на руинах Лисьего холма, когда вулкан постепенно утих, странное красное сияние стало только ярче, оно бешено плясало в воздухе, и в самой ее глубине пряталась кроваво-красная тень, которая безумно смеялась, не заботясь ни о чем.

Кицунэ очень долго молча смотрела вдаль, и на ее лице как будто не было ни следа боли или печали, можно было сказать, она спокойно смотрела на то, что среди простых людей называлось концом света! За ее спиной вдруг раздался тихий шорох, Кицунэ развернулась и вдруг замерла, увидев что Зевул все еще лежит на земле, не двигаясь, но на его груди что-то шевелится. Затем из-за пазухи Зевула выпрыгнула серая тень, это оказался обезьянка Аш.

Кицунэ посмотрела на него так, словно не могла поверить, затем улыбнулась, хлопнула в ладоши, раскрыла объятия и сказала: «Малыш, не думала, что ты такой живучий, иди скорее ко мне».

Аш замер на груди Зевула и посмотрел на хозяина. Он почесал лапкой затылок, огляделся вокруг всеми тремя глазами, затем вскрикнул, подпрыгнул и оказался в объятиях Кицунэ. На ее лице появилась теплая и нежная улыбка, она обняла Аша и осторожно погладила его по голове, при этом заметив, что на теле обезьянки тоже немало ран, некоторые из них нельзя было назвать легкими.

«Ох...» Кицунэ вздохнула, покачала головой, и вместе с Ашем подошла к Зевулу. Найдя поблизости корень дерева, она уселась на него, поставила Аша перед собой на землю и достала из-за пазухи какую-то нефритовую бутылочку. Затем с жалостью в голосе проговорила: «Аш, ты тоже настрадался, пока был вместе с этим невезучим парнем!»

Аш тут же закатил глаза и замотал головой, начал что-то кричать, и даже немного рассердился, очевидно, ему не нравилось то, что сказала Кицунэ. Она в ответ тоже закатила глаза и недовольно произнесла: «Ладно, ладно, я поняла уже, что твой хозяин самый лучший».

Аш сразу заулыбался и погладил себя по голове, очевидно теперь он был обрадован.

Кицунэ протянула руку, сгребла Аша в охапку, одновременно с этим вынула из бутылочки несколько маленьких зеленых пилюль и раздавила их в руке, превратив в зеленый порошок.

Затем она осторожно посыпала этим порошком все раны Аша, где была видна кровь. Порошок сразу же впитывался в рану, и иногда от кожи обезьянки раздавалось тихое шипение. Очень быстро почти все раны Аша зажили, очевидно, порошок оказывал чудесный эффект на внешние раны.

Кицунэ подождала, пока остатки порошка растворились на ранах, подумала немного, затем оторвала от своего платья несколько белых полос ткани и забинтовала ими раны обезьянки.

В процессе лечения Аш вел себя спокойно, в руках Кицунэ он почти не двигался, наверняка понимал, что так ему будет лучше!

Очень скоро Кицунэ перевязала все раны Аша, и теперь на груди, на левой лапке и правой руке, а также на голове обезьянки красовались белые повязки. Он выглядел, словно раненый солдат, только немного комично.

Ашу это было немного непривычно, и он непрестанно разглядывал себя и трогал повязки, словно хотел посмотреть на свои зажившие раны.

Кицунэ глянула на него и строго сказала: «Не трогать!»

Аш испуганно подпрыгнул, отскочил назад, и тут же начал смеяться, но все же перестал пытаться снять повязки.

В этот момент Зевул, который все это время лежал рядом, вдруг пошевелился, и из его рта раздался стон. Кицунэ и Аш одновременно повернулись к нему, но через миг Кицунэ вздохнула. Очевидно, Зевул еще был без сознания, но в его стоне можно было слышать только одно слово.

Лазурия...

Кицунэ поднялась, медленно отошла от Зевула и снова посмотрела в сторону Лисьего холма. Аш за ее спиной почесал затылок и тоже подошел к ней, забрался ей на плечо по платью и спокойно уселся, как обычно на плече Зевула.

В глазах Кицунэ мелькнула печаль, она осторожно погладила Аша по голове. Где-то впереди с лица земли навсегда исчез Лисий холм, осталась только ужасная огромная бездна, из которой непрерывно выплескивалась лава, и этот безумный красный свет в воздухе.

«Аш, что же нам делать?», тихо произнесла Кицунэ, как будто обращаясь к Ашу, но на самом деле она спрашивала сама себя. Ее брови слегка нахмурились, словно она никак не могла избавиться от сожаления и печали. «Лазурии больше нет, и я боюсь, что он... тоже не захочет жить».

Аш ничего не ответил, только остолбенело посмотрел на Кицунэ и моргнул тремя глазами, даже было неясно, понял ли он ее слова. Кицунэ слегка усмехнулась, даже немного с горечью, затем развернулась и посмотрела на ровно дышащего, но все еще кажущегося бездыханным человека.

«Что теперь делать? Я смотрю на него, и мне самой больно на душе...»

Аш вдруг начал что-то кричать, Кицунэ послушала его и горько усмехнулась. Покачав головой, она сняла Аша с плеча и обняла обезьянку, затем спросила: «Вернуться домой? Звучит неплохо, но только...» Она глянула на Зевула, снова покачала головой и мягко сказала Ашу:

«Есть ли у него дом?»

Как только прозвучали эти слова, Кицунэ отчего-то почувствовала боль в сердце, молча повернулась и посмотрела на лицо Зевула. Неизвестно, с каких пор, но среди его черных волос все-таки появились седые пряди.

Кто-то говорил, что жизненный опыт может накапливаться тысячи лет, а может прийти в одно мгновение, но кто мог знать это наверняка?

Кицунэ отчего-то замерла и невольно потерялась в своих мыслях, пока через несколько мгновений ее не разбудил вскрик Аша. Она покачала головой и горько усмехнулась, и в этот раз из-за себя самой, ведь за столько лет она все еще не научилась сострадать и печалиться за других.

Затем она повернулась к Ашу, но тот спрыгнул с ее рук на землю и начал что-то рисовать на песке, время от времени указывая на север и что-то выкрикивая.

Кицунэ посмотрела на это и нахмурилась, немного подумав, она вдруг сказала: «Ты имеешь в виду, что мы должны отправиться в тот его дом?»

Аш закивал головой в ответ.

Кицунэ посмотрела на Зевула, но тот все еще лежал неподвижно, словно мертвец. Она помолчала, вздохнула и сказала: «Что нам еще остается, идем, все равно это лучше, чем оставаться здесь».

Аш рассмеялся, Кицунэ протянула руку, и Аш запрыгнул ей на плечо. Затем она подошла к Зевулу, подняла его с земли, молча посмотрела на него и мягко произнесла: «Ладно, возвращаемся домой!»

Белая вспышка сверкнула на вершине холма и взмыла в облака, она словно попрощалась навсегда с тем пейзажем, который оставался позади, и без тени сожаления направилась на север.

Горный ветер подул внизу по земле, словно мягкая рука приглаживала траву, но в нем все еще различался запах гари. А вдалеке, огромную рану на месте Лисьего холма все еще накрывало то жуткое красное сияние. Оно смотрело на мир и непрерывно раскачивалось, словно показывая свою силу, и снова бешено хохотало.

***

Срединная равнина, горы Айне.

У подножия гор Айне пейзаж был все таким же цветущим и прекрасным, повсюду росла зеленая трава и пышные деревья, в глубине леса время от времени раздавались крики птиц. И хотя здесь не было такой сказочной атмосферы, как на Семи Пика, все же это было очень приятное место для людей.

Среди густой травы высились обломки разрушенных стен, это была та самая деревня Травников, давно забытая и заброшенная. Подул легкий ветер, и трава мягко зашелестела, распространяя по воздуху легкий аромат цветов.

Белая вспышка медленно опустилась с небес, и Кицунэ даже не успела коснуться ногами

земли, как Аш нетерпеливо спрыгнул с ее плеча и начал кататься по мягкой траве с радостными криками. В уголке рта Кицунэ мелькнула улыбка, затем она медленно опустила Зевула на землю, чтобы он смог опереться на одну из разрушенных стен.

Зевул уже пришел в себя, но теперь он выглядел еще хуже, чем когда был без сознания.

Его лицо было мертвенно-бледным, без кровинки, и хотя взгляд был ясным, все же казался пустым, без какого-либо выражения. Он никуда не смотрел, даже не моргал, от него только веяло аурой смерти, он больше был похож на мертвеца, чем на живого человека.

Кицунэ смотрела на его состояние и очень беспокоилась, на самом деле, Зевул очнулся еще по дороге к деревне Травников, но сразу же стал вот таким, и с тех пор не было никаких изменений, что бы Кицунэ ни делала, что бы она ни говорила, это не возымело действия.

Кицунэ в какой-то момент даже засомневалась, слышит ли Зевул все ее мягкие и теплые слова, которыми она пыталась его приободрить.

И хотя она все прекрасно понимала, все же было немного неожиданно, что уход Лазурии окажет на Зевула такое влияние. Но слезами горю не поможешь, и она ничего не могла сделать с чувствами человека, даже будучи тысячелетней лисицей.

Рядом с ними Аш все прыгал и скакал по траве и деревьям, пока, наконец, не вернулся с горстью диких ягод, которые протянул в лапках Кицунэ и Зевулу. Очевидно, он очень хорошо знал эту местность.

Кицунэ посмотрела на Аша и тяжело вздохнула, взяла у него из лапок одну ягодку, горько усмехнулась и сказала: «Аш, все-таки ты среди нас самый счастливый, с утра до ночи такой радостный, если бы твой хозяин был таким же, тогда...»

Аш улыбнулся ей и снова протянул ягоды Зевулу, но тот даже не пошевелился. Аш подождал немного, потом как будто понял, что Зевул не возьмет угощение, пожал плечами и положил все ягоды на землю. Затем взял одну, уселся рядом с Зевулом и начал с аппетитом ее жевать.

Это было уже после полудня, они так и остались сидеть втроем посреди заброшенных развалин деревни. Кицунэ молчала, Зевул был сам не свой, и конечно, тоже не произносил ни звука, да и Аш, наевшись ягод, улегся на ногу Зевула, как на подушку, и, раскинув лапы в стороны, уснул.

Солнечные лучи постепенно начали уходить за горизонт, небо начало меняться каждую секунду, наверху плыли облака, одно за другим, с каждым дуновением ветра шелестела трава.

Солнце склонилось к западу, и небо постепенно потемнело.

Наступила ночь, и вот уже луна показалась на небосводе, и звезды яркими точками замигали среди черноты, глядя вниз, на мир людей.

Аш сквозь сон что-то пробормотал, перевернулся и захрапел, даже во сне на его мордочке играла улыбка, наверное, он легко забывал все плохое, а помнил только радостные события.

В мягком свете луны Кицунэ поднялась и посмотрела на небо, словно о чем-то задумалась. Через какое-то время она обернулась и посмотрела на тот силуэт, который уже погрузился в ночную тьму, и все так же не шевелился.

Она легко вздохнула, сделала шаг и начала подниматься в небо, подул ночной ветер, ее одежда

заплясала на ветру, в свете луны ее силуэт выглядел прекрасным, словно изображение древней богини.

Этой ночью луна была особенно красива...

***

На Пике Малого Бамбука Айне, Анан молча сидела у окна своей комнаты, в белоснежном платье, которое мягким сиянием обрамляло красоту ее лица. С небес падал лунный свет, льющийся в комнату через окно, словно вода.

Неизвестно, сколько ночей она просидела вот так у окна, глядя на звезды и луну.

Холодная тень, озаренная светом луны.

Вдали послышался шелест бамбука, это ветер гулял среди бамбукового леса. В сиянии луны, ветер прилетел и сюда, ворвался в комнату и тронул края платья Анан. Ориханк спокойно стоял у края окна, как и его прекрасная хозяйка, молчаливый, он словно тоже взирал на луну. Луна медленно поднялась над бамбуковым лесом, Анан молча посмотрела наверх, и в ее глазах отразилась легкая печаль.

«Все ли с тобой в порядке?» С ее губ сорвался едва различимый вопрос, но мягкий свет луны не мог разрешить ее печаль, и все также спокойно лился с неба.

На ее лицо легла тень раздумий.

Как вдруг, прямо в этот момент, она словно что-то почувствовала, и тут же нахмурилась. Она поднялась от окна и медленно выпрямилась, ее взгляд оторвался от луны наверху и обратился в темноту перед ней.

Снаружи комнаты неподалеку рос бамбуковый лес, в свете луны от бамбука протягивались длинные тени, но только теперь среди них показалась одна человеческая тень. Лицо Анан слегка изменилось, она поднялась на ноги и холодно произнесла: «Кто ты, покажись!»

Бамбук зашелестел, а та тень, словно вовсе невесомая, стояла на тонкой верхушке бамбука. Через некоторое время она вдруг легко вздохнула и произнесла: «Несмотря на то, что я живу на свете уже так долго, каждый раз, когда я вижу тебя, всегда удивляюсь твоей красоте».

Взгляд Анан стал ледяным, когда она посмотрела на темный силуэт, но отчего-то этот прекрасный голос показался ей знакомым, как будто она его уже где-то слышала. Она задумалась, но ее выражение осталось холодным, и тогда она спросила: «Кто ты?»

От порыва ветра бамбук закачался, тени на земле запестрили, и на свет вылетела белая тень, немного похожая на Анан. Это была Кицунэ.

В свете луны показалось ее прекрасное лицо, белоснежная кожа, и все же во взгляде мелькнула искра зависти, она немного проигрывала Анан по красоте.

Анан замерла на миг, она совершенно не ожидала увидеть здесь Кицунэ, так что остолбенело произнесла: «Разве это можешь быть ты?»

Кицунэ слегка улыбнулась и ответила: «Конечно, это я. А что, нельзя?»

Анан помолчала немного, затем спросила: «Ты пришла ко мне? Для чего?»

Кицунэ взглянула на нее, усмехнулась и сказала: «В такую глубокую ночь ты не спишь, а смотришь на луну, может быть, думаешь о ком-то?»

Белое как яшма лицо Анан вдруг зарделось румянцем, но затем она фыркнула и холодно ответила: «Это тебя не касается, говори, зачем ты пришла? Это место – владения моего Пика Малого Бамбука, земля Айне. И если не скажешь, для чего ты здесь, не удивляйся, что я не стану церемониться».

Кицунэ беззаботно проворковала: «Ой, правда? Ну ладно, тогда я скажу. Если честно, я пришла как раз из-за того, о ком ты думаешь в душе».

Анан вздрогнула всем телом и подняла глаза на Кицунэ, и увидела, что хоть она и легко улыбается, в ее глазах не было желания шутить. Подумав секунду, Анан медленно спросила: «Что... что с ним?»

Кицунэ сказала: «Он сейчас остался в руинах деревни Травников у подножия Айне».

Анан вздрогнула, на ее лице промелькнуло удивление и волнение, так что ее белоснежная рука крепко сжалась на раме окна, но через несколько мгновений она стала печальной и тихо сказала: «Я не пойду туда».

Кицунэ так и застыла. «Что?»

Анан помолчала немного, медленно опустила голову и сказала: «Сейчас в Айне дела идут не очень хорошо, мой Мастер и другие Мастера из-за этого очень беспокоятся, к тому же, он сейчас больше не... Если я пойду, я нарушу правила Айне, нарушу запрет, и к тому же, даже если мы увидимся, какой от этого будет толк...»

Когда она договорила, в ее глазах вдруг отразилось волнение, и она даже слегка прикусила губу, затем глубоко вздохнула, как будто успокаивая собственные эмоции, но даже она сама не могла ожидать, что через миг это волнение накроет ее снова, заполнит каждую клеточку тела, и ее сердце отзовется жаром, так что она не сможет удержаться, и спросит: «Он... с ним все хорошо?»

Кицунэ ничего не ответила, только молча посмотрела на нее.

Анан ощутила беспокойство в душе, в ее сердце как будто боролись два разных человека.

Она посмотрела на Кицунэ и даже как будто задержала дыхание.

Кицунэ долго молчала, прежде чем спокойно сказать: «Лазурии не стало».

Анан в этот момент словно ударили током, она так и застыла на месте, слегка приоткрыв рот, но не в состоянии произнести ни слова. В ее голове прозвучал удар грома, а затем воцарилась пустота.

Кицунэ спокойно продолжила: «Ты ведь ему не чужая, а он сейчас...»

«Что с ним? Что с ним произошло?» Анан как будто вдруг проснулась, ее лицо побледнело, и она слегка охрипшим голосом начала спрашивать, казалось, что у нее вот-вот подкосятся колени.

Кицунэ помолчала, затем сказала: «Ему сейчас очень плохо. И у меня не было другого выхода,

кроме как обратиться к тебе». Анан нахмурилась, беспокойство было написано у нее на лице, обычно холодная и спокойная девушка сейчас была погружена в хаос. Ее дыхание участилось, словно что-то тяжелое надавило ей на сердце, и вдруг она резко подняла голову и посмотрела на Кицунэ.

Кицунэ ничего не сказала, только слегка кивнула.

«Скрип...»

Окно перед Анан со скрипом распахнулось, и белая тень, сжимая в руке Ориханк, вылетела наружу, устремившись в небо.

Какие правила? Какие запреты?

В ее глазах лишь горели кристаллы слез, а во взгляде отражались бесконечные мысли, которые она не могла отбросить!

Она поднялась ввысь и полетела вперед!

Ветер, словно нож, резал по лицу, но даже он не мог развеять это давящее чувство в сердце, этот огонь, который, наконец, разгорелся пламенем.

Что с ним сейчас? Лазурии не стало, и какая это была страшная боль, ведь прошло десять лет... казалось, что во всем мире только она могла его понять!

Она летела вместе с ветром, решительно и безумно, ни разу не обернувшись назад. Перед ней расстилалась черная ночь, неужели эта чернота сейчас с головой накрыла и его? Неужели этот жуткий холод его поглотил?

Она хотела поскорее оказаться рядом с ним.

Вместе с ним!

В свете луны на земле осталась только одна тень.

Кицунэ медленно подошла к распахнутому окну, посмотрела на него, затем подняла голову на луну, и белые лучи отразились на ее лице.

Она закрыла глаза и медленно, медленно вздохнула, на ее лице отразилась улыбка.

Легкая, немного усталая, но все же радостная улыбка...

Луна висела высоко в небе посреди холодной звездной ночи.

Издали подул холодный ветер, трава среди развалин деревни Травников пошла волнами, словно поверхность моря. Ночь была тихой, ни единого звука вокруг, и только откуда-то доносился стрекот сверчков.

В темном углу Зевул все также сидел, прислонившись к стене, не шевелясь, все в той же позе. Аш спал на его ноге, и когда ночной ветер приносил прохладу, ему становилось холодно, и он что-то бормотал во сне, поворачивался на бок, сворачивался клубком, поджимая под себя хвост, и продолжал сладко спать.

Как вдруг, в ярком свете луны, с небес опустилась белая тень. Она приземлилась так

стремительно, что трава вокруг разошлась в стороны вокруг нее и примялась к земле, и только через какое-то время выпрямилась снова.

Белый свет рассеялся, и показалось взволнованное лицо Анан. Она оглядела развалины, но увидела только разрушенные стены, с ее прошлого визита в это место здесь ничего не изменилось. Кроме луны, не было никакого источника света, и большая часть руин была погружена во тьму.

Она его не видела.

Немного постояв на месте, она медленно направилась вперед, к развалинам, хранившим сотни историй.

За каждой стеной, за каждым разрушенным домом, возможно, пряталась своя история. Сколько людей здесь смеялись и плакали, все это теперь было похоронено под толстым слоем пыли, осталась только горечь, холодная луна и ветер.

Ориханк в руках Анан испускал мягкий голубой свет, который слегка дрожал, словно чувствовал то, что чувствует его хозяйка. Белая тень шла через развалины.

Как вдруг, когда Анан сделала шаг, под ее ногами из травы раздался резкий писк, который в тихой ночи прозвучал очень громко. Анан побледнела и застыла на месте, но через секунду из травы под ее ногой выскочила мышь, которая моментально исчезла в зарослях высокой травы неподалеку.

Анан на секунду замерла, но потом медленно вздохнула, сейчас ее эмоции были на пределе, и даже от вещей, которые в обычной ситуации не повлияли на нее, сейчас кровь застывала в жилах. Однако, этот резкий мышинный писк не только слегка напугал Анан, но и одновременно с этим разбудил крепко спящую обезьянку.

Еще не до конца проснувшись, Аш сначала пошевелил ушами, а через несколько секунд раскрыл все три глаза.

С другой стороны развалин раздавался звук шагов.

Аш поднялся на лапы и огляделся. Заметив, что знакомая тень Кицунэ исчезла, обезьянка насторожилась, постояла немного, посмотрела на Зевула. Но хозяин все так же сидел рядом, неподвижно, ни на что не реагируя. Так что Аш забрался на стену, рядом с которой сидел Зевул, и посмотрел в ту сторону, откуда раздавались шаги.

В темноте золотой глаз на лбу обезьянки слегка засиял.

Анан прошла некоторое время, всего несколько минут, но в ее душе они казались тысячелетиями. Повсюду была лишь темнота, и она начала волноваться в душе, даже ощутила скрытый страх, что когда Кицунэ ушла отсюда, он, оставшись в одиночестве, мог что-то с собой сделать.

Ее лицо тут же побледнело еще сильнее, а шаги невольно ускорились, словно она увидела все те жуткие картины, которые рисовало ей сознание. Но сделав еще пару шагов, Анан резко остановилась.

Впереди была разрушенная стена, которая озарилась золотым сиянием, но это был не отблеск звезд, а один яркий глаз, который внимательно следил за ней.

Свет луны продвинулся немного вперед и озарил эту странную тень, которая оказалась трехглазой обезьянкой, сидящей на краю стены. Все ее тело было странным образом перевязано белыми лоскутами. Обезьянка смотрела на Анан.

Аш! Сердце Анан забилося еще быстрее, она почти без единой мысли бросилась к нему, ее белый силуэт на миг расплылся во тьме, словно последний цветок жасмина, опавший по весне.

Аш от такого резкого приближения Анан лишь почесал голову, он был озадачен. Из всех девушек, с которыми был знаком его хозяин, эта была для него самой незнакомой, с остальными, как, например, Кицунэ или Хон, Аш обычно тут же начинал улыбаться и даже давал себя погладить и обнять, но только эта девушка перед ним всегда была холодной как лед, и не очень-то стремилась общаться с обезьянкой.

Однако даже если и так, Аш все же прекрасно знал, что между его хозяином и этой девушкой были не совсем обычные отношения. И когда белая тень торопливо подлетела к нему, Аш подумал и не стал предпринимать никаких действий.

Но если Аш ничего не сделал, то Анан все же кое-что сделала. Она взволнованно схватил Аша, но при свете луны увидела только обезьянку, а где его хозяин, было непонятно. Так что она дрожащим голосом произнесла: «Он... куда он ушел?»

Аш повис в воздухе в руках у Анан, и хотя ее ладони были прекрасными и нежными, от их хозяйки не исходило ни капли вежливости, и к тому же она невольно сжимала Аша все с большей силой, так что обезьянка начала сердиться. Он замахал руками и громко закричал, но еще до того, как он высказал свое недовольство, взгляд Анан упал за ту разрушенную стену, где она все-таки увидела в глубокой темноте сидящую тень.

«Хлоп!» В один миг сопротивляющаяся обезьянка потеряла опору в воздухе и ударилась о землю. Судя по всему, удар задел какую-то рану, так что Аш вскочил и скривился от боли, затем скорчил злую рожицу в сторону Анан.

Анан медленно обошла стену и подошла к Зевулу. Перед ней словно сидела лишь оболочка, потерявшая жизненную силу, пустые глаза смотрели перед собой, на лице отражалось отчаяние и смирение, от него даже начал исходить запах гнили, от чего можно было подумать, что это труп, который уже начал разлагаться.

«Цзинь!» Ориханк выпал из рук Анан, легко опустившись на землю рядом, но она даже не посмотрела на него. Очень медленно она опустилась на колени перед Зевулом, и по ее щекам скатились две жемчужины слез.

«Сяо Фань...»

Зевул вдруг вздрогнул, словно услышал знакомый зов, который затронул глубокие струны его сердца. Но через несколько секунд он снова вернулся в прежнее молчаливое состояние, словно птица, которая желала навсегда остаться в своем гнезде и никак не решалась вылететь в окружающий миг и посмотреть, что творится снаружи.

Слегка задрожав, Анан протянула руки и медленно коснулась его лица, такого знакомого, словно высеченного у нее в сердце. Ее губы начали дрожать, и очень тихим, слегка охрипшим голосом, она сказала: «Сяо Фань, я здесь, это я, Сюэ Чи...»

Он не шевельнулся, и его лицо осталось холодным.

Подул холодный ночной ветер, и трава зашелестела от его дуновения. Аш уселся рядом, безмолвно глядя на них. В холодном свете луны, казалось, весь мир забыл о существовании этого тихого уголка, где молча сражались со своими чувствами эти двое.

Кап, прозрачная слеза скатилась по щеке и упала на лицо Зевула, передав ему сырое тепло. Анан осторожно села рядом с ним и коснулась рукой холодной как лед земли.

«Не бойся, тебе нечего бояться...» После того, как по щеке Анан прокатилась слеза, она как будто придала ей смелости, и девушка мягко прислонила голову Зевула к своей груди, пытаясь своим теплом отогреть потерявшее надежду и почти мертвое тело.

Она крепко обняла его, и больше не хотела отпускать, затем медленно подняла голову и посмотрела на луну, яркую и чистую.

«Сяо Фань, не бойся».

«Все наладится...»

«Все будет хорошо!»

Она повторяла эти слова раз за разом, и ее голос был нежным, но уверенным.

Лунный свет, словно вода, лился на землю, освещая пару прижавшихся друг к другу теней.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/425069>